

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ИНСТИТУТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ (ЦИФРОВОЙ) ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

INSTITUTES OF ELECTRONIC (DIGITAL) DEMOCRACY ARE IN RUSSIA

Дзидзоев Р. М.,

*профессор кафедры конституционного и муниципального права,
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Dzidzoyev R. M.,

*professor of department of the constitutional and municipal right,
doctor of jurisprudence, professor
Federal HPE «Kuban State University»*

Ключевые слова: электронная демократия, информационное пространство, цифровые реалии.

Аннотация: в статье рассматриваются институты электронной демократии в России, как перспективная форма прямого народного участия в государственных и общественных делах, высказываются предложения по ее совершенствованию.

Keywords: electronic democracy, informative space, digital realities.

The summary: in the article the institutes of electronic democracy are examined in Russia, as a perspective form of the direct folk participating in state and public affairs, suggestions speak out on her perfection in legal practice.

Электронная или цифровая демократия активно внедряется в государственную практику России, сопутствуя традиционным институтам демократии, усиливая участие граждан в политической жизни общества.

Юридическая наука должна осмысливать и осваивать современные конституционные реалии, в том числе цифрового порядка, вовлекая их в свой научный оборот, давая предметно-классификационную оценку, обеспечивая их надежное нормативное сопровождение.

К числу цифровых явлений относится электронная демократия, представляющая собой прямое волеизъявление граждан с использованием современных информационно-коммуникационных технологий для коллективных мыслительных процессов.

К институтам электронной демократии относится российская общественная инициа-

тива (РОИ), введенная Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г., предполагающая электронное голосование в Интернете предложений граждан по вопросам публичной важности, наиболее массовые из которых обращаются в публичные решения. Инициатива, набравшая более 100 тыс. голосов, направляется в экспертную рабочую группу, создаваемую Правительством РФ, для принятия решения о целесообразности разработки проекта соответствующего нормативного правового акта или об иных мерах по реализации данной инициативы.

Нельзя, однако, не заметить, что предмет общественной инициативы сильно заужен, поскольку допускает только предложения социально-экономического порядка.

Общественной инициативе может быть отказано в размещении на интернет-ресурсе, если она противоречит Конституции Россий-

ской Федерации, что означает невозможность предлагать конституционные поправки. Авторы этого проекта на его презентации отвергли предложение о сокращении срока президентской легислатуры до 4 лет под предлогом его противоречия Конституции, хотя сама Конституция допускает ее изменение. Это низводит российскую общественную инициативу до решения вопросов второстепенного свойства, лишенных публичного резонанса, типа запретить добычу китообразных в учебных и культурно-просветительских целях.

В режиме электронной демократии в России предусматривается общественное обсуждение нормативных и иных правовых проектов государственного и муниципального уровней.

Общественные обсуждения проектов нормативно-правовых решений лежат в русле непосредственной демократии как выражения прямого волеизъявления населения по вопросам публично-правовой значимости.

Общественное (публичное) обсуждение проектов нормативных правовых актов следует также оценивать в контексте т.н. краудсорсинга (англ. *crowdsourcing*, *crowd* — «толпа» и *sourcing* — «использование ресурсов»), понимаемого как мобилизация ресурсов людей посредством информационных технологий с целью решения задач, стоящих перед бизнесом, государством и обществом в целом. Как справедливо отмечает М.М. Курячая, перед современной конституционно-правовой наукой стоит задача осмысления краудсорсинга как новой формы непосредственной демократии и определения гарантий, связанных с реализацией конституционных прав и свобод граждан в процессе краудсорсинга¹.

О значении публичных обсуждений говорил В.В. Путин в 2012 г. в своей программной статье в газете «Коммерсант», отмечая, что растущее количество информации о политике должно перейти в качество политического участия, гражданского самоуправления и контроля. Прежде всего, это - общегражданское обсуждение законопроектов, решений, программ, принимаемых на всех уровнях государственной власти, оценка действующих законов и эффективности их применения. Граждане, профессиональные, общественные объединения должны иметь возможность заранее «тестировать» все государственные документы. «Такой механизм коллективного отбора оптимальных решений или, как называют его эксперты, краудсорсинг, - должен стать нормой на всех уровнях»².

В своем ежегодном Послании Федеральному Собранию России 12 декабря 2013 г. Президент В.В. Путин отметил, что современной России необходима широкая общественная дискуссия, причём с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение. «Считаю, что все законопроекты, ключевые государственные решения, стратегические планы должны проходить гражданское, так называемое «нулевое», чтение с участием НКО, других институтов гражданского общества»³.

Институт публичных обсуждений проектов нормативных правовых актов, однако, имеет серьезные недостатки. Публичному обсуждению подвергаются проекты актов исполнительных органов государственной власти, что касается президентских указов, то они фактически исключены их режима публичных консультаций, хотя большинство из них носит нормативно-правовой характер.

Общественному обсуждению подвергаются лишь вопросы социально-экономического порядка, политическая составляющая не подлежит публичной оценке.

Режим публичного обсуждения нормативных проектов регламентируется множеством подзаконных актов, преимущественно правительственными постановлениями, не позволяющим консолидировать этот институт.

Очевидно, необходимо принятие федерального закона «Об общественном обсуждении проектов законов и иных нормативных правовых актов».

Цифровые технологии используются в избирательном процессе в виде электронного голосования, голосования через интернет, позволяющего реализовать избирательные права граждан минуя бумажные носители. Электронное голосование находит широкое применение в зарубежных странах - Австралии, Франции, США, Швейцарии, Эстонии.

Избирательное законодательство России вполне допускает электронное голосование. Ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает, что при проведении выборов, референдума вместо голосования с использованием бюллетеней, изготовленных на бумажном носителе, может проводиться электронное голосование, решение о котором принимается Центральной избирательной комиссией Российской Федерации или по ее по-

ручению соответствующей избирательной комиссией субъекта Российской Федерации.

На практике, однако, электронное голосование с использованием интернет-ресурсов в России не применяется.

Интернет голосование, конечно, имеет свои преимущества, оно потенциально повышает явку избирателей, например, за счет избирателей с ограниченными физическими возможностями, избирателей, находящихся вне места жительства, сокращает бюджетные расходы на выборы.

В то же время электронное голосование требует создания надлежащих избирательных процедур и выверенных технологий, надежно гарантирующих достоверность голосования и транспарентность выборов.

В Российской Федерации, в которой на выборах в массовом масштабе используется мощный административный ресурс, электронное голосование рекомендовать преждевременно.

Риски цифровых технологий состоят в том, что их результаты определяются техническими работниками – операторами, модераторами, юридически безответственными.

Законодательное регулирование информационного и цифрового пространства должно строго руководствоваться конституционными принципами, особенно в части прав и свобод личности. Это касается и так называемой блокировки интернета.

Согласно ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в редакции от 18 марта 2019 г. Роскомнадзор (федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", информации, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации сведений, позволяющих получить доступ к указанной информации или материалам, включая случай поступления уведомле-

ния о распространяемой с нарушением закона информации от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций или граждан вправе ограничить доступ к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию, то есть заблокировать ее.

На наш взгляд, подобные ограничения, допускающие блокировку сетевого издания, явно противоречат части 5 статьи 29 Конституции РФ, согласно которой цензура массовой информации запрещается. Сама формулировка этой конституционной нормы свидетельствует об ее императивности. Понимать эту норму можно только в том смысле, что никакая цензура в отношении массовой информации, носителем которой выступает в том числе интернет, в Российской Федерации не допускается ни в какой форме.

Конституция России содержит ряд норм, которые носят идеологический характер и не подлежат какому-либо ограничению. К таким нормам, наряду с запретом цензуры массовой информации, относятся разделение государственной власти (ст. 10 Конституции РФ); признание местного самоуправления (ст. 12 Конституции РФ); запрет государственной или обязательной идеологии (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ); неотчуждаемость основных прав и свобод (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ); свободный труд, запрет принудительного труда (ч. 1 ст. 37 Конституции); право частной собственности (ст. 35 Конституции РФ), независимость судей (ч. 1 ст. 120).

На такие конституционные положения, продиктованные исторической логикой конституции как символа личной свободы, не распространяется действие части 3 статьи 55 Конституции РФ, допускающей ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в конституционно-значимых целях (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья и др.), поскольку сами эти цели вырастают из идеологических конституционных установлений, занимающих в конституционном праве приоритетное место.

¹ Курячая М.М. Технология краудсорсинга в юридической практике // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 37.

² Путин В. Демократия и качество власти // Коммерсант. 2012. № 20.

³ <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>.

Список цитируемой литературы:

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. Дзидзоев Р.М. Вопросы электронной демократии // Наука и жизнь: Международный научно-популярный журнал. Алматы. 2015. № 7. С. 25-28.
3. Курячая М.М. Технология краудсорсинга в юридической практике // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 31-37.
4. Путин В. Демократия и качество власти // Коммерсант. 2012. № 20.

The list of the quoted literature:

1. Avakyan S.A. Constitutional lexicon. State and legal terminological dictionary. M.: Yustitsinform, 2015. 640 pages.
2. Dzidzoyev R.M. Questions of electronic democracy//Science and life: International popular scientific magazine. Almaty. 2015. No. 7. Page 25-28.
3. Kuryachy M.M. Tekhnologiya of crowdsourcing in legal practice//the Constitutional and municipal right. 2012. No. 6. Page 31-37.
4. Putin V. Democracy and quality of the power//Businessman. 2012. No. 20.